

**Борис
КОЛЕСОВ**

г. Москва

Сёмка и берёза

повесть

Как заяц спит

Вологодским лесам конца края не видать. В тамошним болотам переводу нет. В деревне Веретье жил мальчик Сёмка с папой, мамой и старшим братом. Вокруг был сосновый лес. Такой дремучий, что звали его тут не бором, а дрёмом.

Об отце Сёмки слава шла: сметлив да удачлив охотник! из добытчиков добытчик!

Мальчишка на папаню поглядывал, примечал кое-что, перенимал хватку, но до ружья пока не имел доступа.

Правда, иногда тот брал парнишку с собой. Приключалось такое, но когда? В том случае, когда охотник в дрём по зайца ходил: сына по дороге учил след тропить.

Беляк ведь себе на уме, он дальше двух километров от лежки не уходит. Как ты косога не гони. А чтобы сбить собаку с толку, хитрец петляет. Старается, ровно крючок, которым на Вологодчине вяжут кружева. Тут даже старой, выдавшей виды гончей порой случается... что? Сколоться — замельтешить, со следа сбиться. По первой снежной пороше охота горяча. Собака носится кругами, ищет свежий заячий след. Само собой, у родителя шапка невозбранно припорашивается, приметно выбеливается. Поскольку побывала под сугробистыми хвойными лапами.

Охотник вот что делает — поглаживает рыжеватую бороду, и в голубых глазах у него как есть особая хитринка:

— Что, Сёмка, смекаешь, куда скакнул косой?

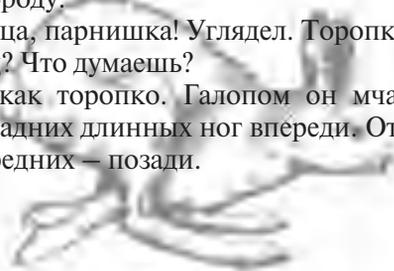
Стоит сын. Под ногами снег красный. Баско он зарей выкрашен. И на сегодня щеки у ответчика тоже цветут, будто здесь не мальчик, а снегирь.

— Вон под тот куст. Под калину. Там снег примят.

Отец таковским распорядком доволен. Улыбается в бороду:

— Молодца, парнишка! Углядел. Торопко ли бежал заяц? Что думаешь?

— Куда как торопко. Галопом он мчался. Следы от задних длинных ног впереди. От коротких передних — позади.

— Точно. Но теперь скажи мне другое. Известно, зайцы на отличку осторожные. Как в таком разе спят, открыты у них глаза во сне или закрыты? Не спеши, поразмысли, потом дай ответ.

Сёмка трет варежкой рдяные щеки, моргает задумчиво. Ох, трудный задал папаня вопрос! Кто их когда видал, этих спящих зайцев? Ан сейчас нужно высказаться вполне правильно. Потому как здесь желается кое-кому прослыть, когда подрастет, добытчиком, вдосталь по деревенским меркам надежным.

Всё бы так, однако не знаешь, что сказать. Вот ведь беда какая! Нисколько не хочется попасть впросак.

С новым разом, еще и еще, трет Сёмка хоть щеки, хоть лоб. Уже горит лицо. Польшаает, будто угли в жаркой печи. Быстрей приходи правильное уразумение!

Приходит не иное другое, именно такое, не шаткое соображение: всех боится косою, и тогда полагается ему спать с открытыми глазами.

Четкий, значит, выдан ответ?

Отец покачал головой. Не так, чтобы укоризненно, а скорее с видимым сожалением.

— Не один ты, многие таким макаром отвечают. Однако не обошлось все ж таки без ошибочки. Беляк не дурак сладко поспать. Верно, он — когда не лежке, на отдыхе — глаза тарашит, по сторонам косит. Вот только ночью они у хитрована закрыты. Как у тебя, к примеру. Любишь ведь поспать на печи?

Смущенно помалкивает Сёмка.

Что правда, то правда: встает он позже всех в доме. Но и то можно учесть — последним спать ложится. Недаром мать ворчит на него.

Если высказывает какую укоризну, понятно, как раз эту: «Угомона, гляжу, нет на мальчишку!»

Возражать не поторопишься. Потому как раз, что длинную жизнь прожил Сёмка, девятый годок пошел, а прочного угомона всё нет и нет.

Однажды таковские проходы по лесу подошли к концу напрочь.

Так случилось: недолго довелось парнишке поучиться охотничьим премудростям. Напал на страну фашист.

И тогда отправились воевать с неисчисли-

мым врагом отец, старший брат, все веретьевские мужики, охотники и лесорубы.

Папаня много слов не потратил. Сёмке сказал только это:

— Ты, парень, не бойся. Мы фашисту рога поотшибаем.

Нынче живет мальчишка без отца. С одной лишь матерью.

Не боится. Но отошал крепко.

Первую военную зиму продержалась деревня на прежних запасах. Картошки и репы хватило до весны. Потом лето подошло и подарило сколько-то грибов да ягод. Вторая военная зима объявилась, а в погребках лесного невеликого селения картошки мало. Репы, капуста все нет.

Оно каждому будет понятно: работников стало причинно мало. Один-два — и вот уже обчелся.

Какая-никакая работа упористо всеми творилась, и Веретье, само собой, старалось, чтобы фронту продовольствием пособить, своим ребятишкам на зиму сделать запасаец. Однако матерям не в радость получилось, что погреба оказались полупустыми к первому снегу.

Не задержался он, выпал. Ан вдруг неожиданная оттепель навалилась. Вместо верных заморозков поздняя осень обернулась слякотным месивом на огородах. Тут еще сырые туманы приползли с дальних болот.

Хоть плачь, а никуда не денешься: завелась в веретьевских угодьях горькая гниль. Поскорей ее удалять! Перебирать картофельные запасы!

Сегодня со всей аккуратностью трудишься, назавтра сызнова хлопочи. Не отступали, усердствовали матери, их ребятишки. Всё едино вышло. Не успели оглянуться — одна мокреть в погребах. Вместо овощного привычного порядка.

Наступил с февраля в деревне голод воочью. Хоть ивовую кору, как лось, ищи и жуи.

Что по такой поре делать?!

Кто подался в город, чтобы не пострадать от бескормицы. Там всё ж таки давали работающим какой-никакой паек.

Не иначе, полдеревни дружно убыло к середке зимней.

Пусть также кое-кто в другие по соседству селения перебрался, чтобы сообща с родствен-

никами горе мыкать. А Сёмка с матерью и одинокая бабка Аграфена Синеглазова остались по прежнему распорядку, именно что на месте. Возле тихой окраины веретьевской.

Старушку никто бы на фабрику не взял. Родственников — ни близких, ни дальних — у нее не было. В свою очередь, мать Сёмки не помечтала идти в город: ослабела к концу февраля. С печки слезала с превеликим трудом. Вскоре вовсе она стала недужной. Аграфена за ней ходила. Как могла по своей старческой способности.

Мать всё говорила парнишке: «Я поднимусь. Дай только срок. Попью отвара из сосновых иголок, и мне сил прибавится. Тогда мы тоже подадимся на фабрику. Бабку возьмем с собой. Чего ей здесь одной куковать?»

Сёмка бегал за ветками в лес, помогал Аграфене поить больную мать хвойными горькими настоями.

Как ни упрячилась хвороба, всё же немочной полегчало немного. Приободрилась она, вот лишь не настолько, чтобы в одиночку дойти до колодца. Слабость по-прежнему давала себя знать. Поэтому пути во двор не было, оставалось одно — сидеть у окна. Иногда хотелось ей плакать. И тут она, вытирая глаза, толковала сыну: «Не добраться мне до города. Аграфене тако же. Ничего не поделаешь, ступай туда один. Там добрые люди помогут. Авось, не осилит тебя напасть голодная».

Ему таковские слёзные толки ничуть не надобны. Он головой мотает — нипочем не пойдут! А за стеной, в подклети, собака воет. Холодно по зимнему, по месяцу. Мясца да косточек желательно унюхать псу Караю. Однако ничего привычно съедобного нынче не разглядеть. Хоть где поблизости, хоть поодаль, возле сторонних изб.

Глянь, взяли отощавшие хозяева березовый веник. Затем в чугушке и сварили его со всем старанием. Фу, какая гадость! Лучше бы пустили Карая в дрём. Там жирующих беляков свободно погоняешь.

Быть того не может, чтоб остался пёс хороших кровей с носом. Нет, ешьте сами свой березовый суп! Как-нибудь, а ведь быстры ноги пробежаться до зеленого ельника, где зайчатинкой разживешься. Только дверь отворите!

Сёмка обеспокоился и, не поленившись, вышел к нему. Присел рядышком, обнял за шею. Ну, чего ты зазря воешь, бедолага! Разве ж кто не понимает тебя?

Тут, коль желаешь знать, есть такие по дружбе неравнодушные, что как раз очень хорошо понимают. Но ведь нельзя нынче одного, ослабевшего и голодного, пускать в дрём. Караюшко! Там волки по соснякам ходят. Думаешь, нет у них желания чего-нибудь погрызть? Обязательно имеется. Завалить одинокую собаку они сильно мечтают. Смогут догнать и окружить запросто.

— Не ведаешь ты, Караюшко, что волки расправляются лихо с вашим братом, — шепчет парнишка, тихонько теребя холку скулящего пса. — А мне вот известно. Батя рассказывал. Налетит серый зубастый разбойник и с ходу старается ударить собаку широкой грудью. Она летит кубарем от неожиданности. Пока барахтается, он подскакивает, хватая ее за горло. Кляц! Здесь ей наступает конец. По несчастной поре не спасают быстрые ноги. Уважаю твою храбрость, да всё ж боязно мне. Как отпустить в лесные заросли, когда бродят волки за околицей?

Способный ватник

Нет удобных тропок в деревне. Если и были стёжки, то на сей час перемело их снегом.

Потихоньку, не тратя понапрасну силы, сторожка бредет Сёмка. Дошел до последнего к лесу дома, повернул назад.

Стоят пустые темные избы в ряд. Не видать над крышами белых дымов. Заколочены двери и окна. Кричи не кричи — дни уж далеко не прежние, не отзывается никто. И никому не скажешь, что страсть хочется тебе куснуть хлебную краюшечку.

Бродит Сёмка по деревне. Думает: вдруг и завалялось возле крылечков какое по нечаянности утерянное съестное. На то веры особой нет, конечно. Ну, а понадеяться если, почему нельзя найти хотя бы маленький кусочек?

Подошел к печально притихшему дому, к порожкам, давно уж не обихоженым заботливой метлой. Здесь раньше погодки Масловы радо-

стно встречали друга. Сегодня поди их поищи — встречает тебя лишь налепь снежная на холодных стеклах.

Дружил Сёмка с тутошними ребятами и по летней поре, и по зимней. Теперь погодки не иначе как в городе. Паёк фабричный уминают. Небось, хватает всем еды, когда там еще две взрослых работающих сестры проживают. Потрудятся они сколь им положено в цеху, потом придут домой и дадут веретьевским какой ячменной каши. По хорошей тарелке, по глубокой, ничуть не маленькой.

Сёмке никто не даст ни перловой похлебки, ни каши. Сам соображай, как прокормить оставшихся в деревне.

Подумать, чтоб покрепче и способней, он не возражает. Однако пусты заолоделые здешние избы. У кого взять крупяной снеди, когда напрочь слетело с Веретья даже обычное горластое воронье?

Покрутился у порожек. Смотрит, а позади масловского подворья — красивый оранжевый снег. «Солнышко, видно, играет, — мыслится парнишке. — Ну и пусть себе радостно высвечивает. Раз метельных туч нет и небо насквозь прозрачное».

Двинулся было своей неторопкой дорогой дальше. Тройку шагов сделал, приостановился. Потому как дотошливая мысль не утихомиривалась. Вот стоит, влад ей, беспокойной, бормочет:

— А чего ж полуденные лучи не играют в других местах?

Можно было бы и помедлить несуетливо, однако не поленился вернуться. Пришагал к местечку непростому, тронул носком валенка оранжево-пушистую кочку. Там таится что? Картофельные очистки полеживают, просвечивают, понимаете ли, под малиново-красным солнышком.

То им неведомо, что в радость они мальчишке. Хоть простые кожурки, а прям-таки в неприменный большой восторг.

Не утерпел, выдохнул:

— Теперь похлебку сварим!

На таковском душевном подъёме вмиг домчал до своего дома. Заподпрыгивал там перед маманей. Али я вам не добытчик? Глянь-ка принёс что!

Бабка с этим неожиданным подареньем сразу к печке поближе. Добытое пропитание пересыпала в уемистый чугунок. Огонь посильней развела. При всем том не утерпела повздыхать вполголоса:

— Днем раньше, днем позже...

Мнилось ей про стужу, которая неуступчиво крепкая, исправно трескучая.

Как ни поглядывай по сторонам, ни успокаивай свою душеньку, весной пока что не пахнет. До первой травки, до спасительной лебеды на лужайках не дотянуть всё равно.

Мороз широко похаживает по дрёму. Звонко постреливает — волков пугает. Они возьмут, на стылое поле возле деревни выбегут и кучкой воют: что за напасти в глухих оврагах? Послушного ответа им нет, поэтому зубастой ватаге желается со злости кого-нибудь разорвать.

Караюшко, что сидит в сенах, учует их умышленное хотение да, в свою очередь, тоже завоет: вас, разбойников серых, не боюсь! Пусть хозяева железные затворы отворяют поскорей — я выскочу, дам вам бой!

Кто в теперешнем Веретье станет слушаться пса? Сёмка если, но у него разговоры напрочь возразительные.

Когда уберется злонамеренная стая в потаенно далекие логовища, он — шась из дома. Починает бродить по деревенским задворкам. Может, повезет в другой солнечный раз. Не против все ж таки парнишка, чтобы посчастливилось наткнуться на красивый оранжевый снег.

У масловской избы благодатных кочек негусто. Зато стоит береза в широком сарафане: длинные ветки свисают до земли. Все они, как одна, в богатеюще густом инее. Бросаются в глаза одежды здешней раскрасавицы. Коль таковская густега, то и понятно, что за ее узорочьем, толстовато пушистом, подробно обильном, дрема никакого не видать.

Пусть не заметишь толпящихся елочек, только Сёмке ведомы тамошние дела. В зелени молодого подростка имеются кое-какие прогалы. Иногда неожиданно просторные, для заячьих прыжков и пробегов удобные. Что ж тогда всяким косым на широких опушках не жировать? Позволяют они себе, частенько позволяют беспечность.

Парнишка обойдет сарафанистую березу да и

глядит со всем вниманием в лесную даль. Вон как резвятся косые, сытые донельзя, довольные ничуть не выужной погодкой. Ишь, как расхрабрились!

По февральской поре прям-таки до удивления беззаботные. Туда-сюда бегают почем зря, высоко подскакивают на затвердевшем насте. Игры свои заячьи играют необремененно, с легкомысленностью. А и чего им особенно сегодня раздумывать, когда деревня стоит без гомона людского, холодная и на мимолетный погляд неживая?

Не голодно ведь этим беспечальным прыгунам, и нет на них метких охотников. Все ружейные добытки на войну ушли. Теперь белкам воля вольная резвиться вблизи Веретья.

Ничего ты, паренек в старых шерстяных варежках, не поделаешь, хоть себе шибко три стылые щеки, хоть совсем не три. Стоишь сиротинка сиротинкой? Живот подвело? Оно именно так, а где прежний оранжевый снег, ты знать не знаешь.

Может, никогда больше не встретишь его. Обидно?

Вздыхнул Сёмка:

– Нечего тут! Возьму батин дробовик. Кликну Карая. Пойду в дрём косых гонять. Я им рога-то поотшибаю!

Мать, узнав о сердито прочном решении, так и села. Бабка уширила глаза, всплеснула руками:

– Страсти какие! Мороз вас, бедных, застудит! Волки никуда не пропустят, по надобе своевольной подступят, заедят!

Сёмка спорить не поспешил, молча снял со стены берданку. Заглянул в ствол, курком щелкнул, после чего последовало от него разъяснение:

– Мы с Караем не пустые пойдем. Вот оно, батино ружье. И ты, который всяк подступаешь, нас в обязательности боись!

Аграфена испуганно охнула:

– Боюсь, батюшка!

Гонять домашних парнишке было не резон. Поглядев на отступившую супротивницу, поразмыслив над ее странным по избе шаганием, сказал солидно:

– Тебе нечего пугаться, бабуся. Пусть разбойники серые боятся.

Дальше сборы пошли такие. Начал Сёмка

надевать отцов, хранившийся в сених, охотничий ватник. Чтобы рукава не висели до пола, он их посильней подвернул. В поясе одежда была слишком широка. Тогда он озаботился приспособить ремешок. Вестимо, для подпояски, без нее — никак!

Покрутился и понял: подготовку можно завершать. Нынче пора идти на промысел. В хорошей одежде да вернуться без какой добычи — никак нельзя, верно? Проверенный ватник, что ни говорите, всё ж таки поспособней будет, чем надоевшая мальчишеская шубейка.

Поднял ружье, перехватил покрепче ремень. Глянь — а на плече, обвисшем под тяжестью берданки, напрочь вырван большой клоч. Дыра белеет ватой.

Сёмка враз огорчился и от полноты расстроенных чувств опустил на лавку. Известное дело, никогда не ходил батя с такими-то белыми отметинами на охоту. Он загодя готовился к походам в дрём. Как раз очень обстоятельно, не спеша. Всё у него гляделось в доскональности справным — что сапоги, что ружье и телогрейка.

Обсмотрел одежку дыру возле окошка. На воле рассиялось солнце, и вата в его лучах вдруг почала матово просвечиваться. Показывала, какая она искони чисто пригожая.

«Эту красавистую луну, — размышлял Сёмка, — надобно всю как есть сейчас же убрать. Светится, ровно тут ей непригодный кто к охоте. Мы с Караем, промежду прочим, давно обученные. Да!»

Думать долго насчет иголки с ниткой не стал. Принялся за дело со всей неотложностью. Со всем своим упористым рвением.

Ничуть не удивительно, что игла с длинной черной ниткой быстро изничтожила ненужное лунное видение. Сообразным гляделся ватник на сей новый час. Однако, привстав, парнишка опять сел, за берданкой не потянулся. Вспомнил кое-что?

Именно что мысль подоспела: батя начинал поход в сосняки с проверки ружейного припаса. А где здесь карманы? Есть ли нынче патроны в этой справной охотничьей одежде? Нет ведь ни одного.

– Ой, на столе всегда перед охотой и дробь лежала, и пыжи! Там снаряжались метким до-

бытчиком патроны. Потом уж оказывались они в карманах ватника. Точно!

— Поставил телегу наперед, значит, лошади? — не преминула заметить несговорчивая бабка. — Вот и не ходи на охоту!

— Ладно ругаться-то, — шмыгнул носом Сёмка. — Сами страсть какие голодные. А спорят здесь неумолчно.

— Никто не выражается, чтоб шибко с укоризной. Только все равно в лесу волки. Они хоть кого заедят.

Разговоры вести зазя? Великой нужды не было. Иного рода требовалось дело. Надобно поскорей подсаживаться к столу: столбиками нелишне выстроить в ряд найденные матерью патроны. Пусть снаряженные стоят в левой стороне. Неснаряженные — в правой.

Пока суть да хлопотное дело, очутились в правой как есть все... без трёх.

В них, в тех, что слева были, обнаружили пыжи. Значит, под кожаными кружочками должны прятаться и дробь, и порох. Пыжи кладут в гильзы для того как раз, чтоб дробь не высыпалась допрежь выстрела. Про тугие кружочки батя в свое время всё разобъяснил. Так что мальчишку никто сегодня не собьет с толку. Три патрона с крепкими затычками обещали если не трех зайцев на обед, то хотя бы одного. В надежности достоверного.

На всякий случай Сёмка проверил, что лежало там, под кожаными крышечками. И вот ведь какая штука получилась: пыжи были на месте, плотно сидели. Имелся под ними, как полагалось, порох. Но дроби в патронах не оказалось. Не было ни егзиночки.

Полупустая троица если на что годилась, то лишь для звучного хлопка. Для выстрела пусть громкого, но бесполезного — что называется, холостого.

Попугать можно какого-нибудь лисовина. Это всегда пожалуйста. Однако утихомирить вдруг беляка для печной горячей похлебки... не выйдет ничем.

Станет косою дальше подпрыгивать по ельням. В точности беззаботно, легко и высоко. Как раз до той поры, пока благополучно не окочурится от преклонности лет. На холостой выстрел всем таковским прыгунам чихать.

Подумалось мальчишке: «Батя, небось, не без гостинцев пошел на войну. Взял с собой весь нашенский свинец. Чтоб шшибать фашисту рога без передыху. На войне завсегда пригодится ружейный припас». Поведал матери о законном своем предположении.

Та подумала немного, печально вздохнула:

— Что касаемо берданки, так скажу. Положи ее на место, сынок.

Вздохнула, затем горестно понурилась, замолчала, став напрочь беззвучной.

Не прознал он про материнские думы. Как мальчишке войти в них, когда ничего больше не желает она говорить?

Углом платочка глаза вытирая, глядела на стену. Там ей и отцу Сёмки фотографом дозволялось семейно красоваться. И выглядели они, как говаривала бабка, истинно молодыми голубками на снимке.

— Добрый ты у меня. Заботливый, — погрузив, начала шептать мать.

Были у нее прозорливые соображения, чтоб в свою очередь Аграфене окончательно заявить:

— Правильно понимаешь.

Не вот тебе дословно высказанным сей разговор получился. Но от бабки не укрылись непростые нынешние думки.

«Дошло до меня, — мыслила, догадке в лад, парнишкина мать, — пошто высыплена дробь из патронов. Знамо дело, отец боялся за мальчишку. Как бы сын до ружья не добрался да не пальнул в избе ненароком. Заботился ты, мил друг, о покое в семье. Ну, и воюй там с врагом победно, а мы здесь уж как-нибудь».

Когда на сию минуту Аграфене ясно многое, то Сёмке очень трудно вникнуть в недомолвки, ничего-то не разобрать ему. Оттого была у него причина, чтобы недовольно хмуриться.

Пошмыгал носом на взрослых, нежданно умолкнувших, твердо сказал:

— Хоть вы здесь как, но берданку не положу!

Слово у него оказалось упрямым до невозможности. По мнению бабки, поперечным до ужаса. Старушка, сердито поджав тонкие губы, подступила к парнишке:

— Да что ж ты, батюшка! Рази так можно с матерью?

Вроде бы корила она его по всем веретьевс-

ким правилам, не с бухты-барухты. Всё ж таки Сёмка полагал, что осердилась напрасно. Ведь придумал он, придумал, чем заменить дробь!

Теперь озорующие в сосняках зайцы могли со спокойной душой прыгать в суповый чугунок. Пусть Аграфена готовит ухват, который потолще и покрепче. А губы можно поджимать, когда беляки не поместятся в печной посудине.

Кому достанутся лапы...

Глаз охотника должен быть каким? Приметливым.

Со всеми в доме разговорами Сёмка, будьте уверены, не зевал, он подметил: фотография висела на стене в деревянной рамке. И чтоб хорошая работа заезжего мастера красовалась в уютной сохранности, прикрыли родительскую парочку прозрачно гладким стеклышком.

Но что страшного тут делается, коль молодые отец с матерью побудут зиму без укрытия, приветно гладкого, годно прозрачного? Если пыль какая объявится, ее можно без промедления смахнуть.

Теперь давайте соображать дальше. Для охотника рамочка вчера была малозаметной, потому как не обещала большой пользы в добычных лесных походах. То, что наблюдалось прежде, можно взять и забыть. Она сегодня глядится куда какой полезной, к ней интерес вырос еще как.

Сёмка не поленился подойти к фотографическому изображению и сообразить: чтобы стекло не вывалилось из рамки, его полагалось закрепить гвоздиками. Выдернуть железные хвоинки из дерева да посечь их на кусочки... это же легче легкого.

Вдвое или втрое укоротить тонкие длинные штучки нетрудно. Приложи к ним тяжелый отцов нож. Да вдарь сверху молотком. Широкое стальное лезвие вмиг перерубит запорные гвоздочки, благо их тут, в деревянной рамке, хватает.

А на другой стене еще одна семейная фотография. И там тоже найдется кое-что. Чтоб взять и вместо дробы приспособить.

Вся эта железная мелочь непременно сотворит нужное дело, усердно вылетит из ствола, и

тогда пустых выстрелов не будет. Три полностью снаряженных патрона жажнут так, как надо. После чего зайцы порадуют голодный веретьевский народ, окажутся быстро в печи.

Порушив рамочный крепеж, Сёмка постарался наладить ружейный припас до справной готовности, обрядился в отцовский ватник и двинулся в уход. Мать с Аграфеной его не пускали, однако сил у них было маловато, чтоб воевать до потребно верного конца: остался верх за несговорчивым охотником. Он всё ж таки пошел в дрём не ради баловства, а по неотложной заботе — приключилась несомненно великая нужда. Так что шевели, парнишка, ногами, ступай в сосняки и во что бы то ни стало добывай сегодня пропитание.

Лыжи у Сёмки вполне подвижно скользили по твердому насту, лишь немного прикрытому мягкой белой порошей.

Караюшко бежал рядом с охотником, нисколько не проваливаясь в глубокие, волнисто обширные сугробы. Что для голодного пса было как раз хорошо.

Если б наст под лапами обрушивался, то пришлось бы в пухлом снегу барахтаться, тогда собаке не миновать вскорости растерять все не шибко большие силы. Пропадет у нее всякая резвость, и — прощай, добычливая охота на косых!

Лес встретил мальчишку тихим ровным шумом. По верхам зеленых сосен шел морозный ветер, коему прозвание давал батя именно такое — сиверок. Он ронял комья снега с высоких деревьев.

Не любят зайцы кормиться, когда поднебесные кроны принимаются раскачиваться неугомно. Непрошенные подарки летят увесистыми лепехами, бесперебойно обтряхивают иней с веток, оттого всем в дрёме больно много покоя.

Белякам самое время прекращать беспечные прыжки и круговую беготню, а если чем заняться — отыскать привычные лежки, в удобстве расположиться там для сторожкого отдыха.

Они, значит, полеживают, не забывая поглядывать по сторонам. Напротив, охотнику, которому нужна добыча, не до отдыха. Знай ставь собаку на след, пусть она гонит косога под твой ничуть не холостой выстрел.

Караюшко почуял беляка. Взревел гулким басом. С голодухи, наверное, трубно разошелся.

Метать снежные вихри из-под лап кинулся разом — пошел, пошел по сосняку, празднуя свой долгожданный охотничий гон. Вот уже скрылся из глаз мальчишки за купой изумрудного, неуступчиво колючего подростка.

Сёмке что полагалось свершить? Перво-наперво надо стащить берданку с плеча, где никаких ватных дыр уже не наблюдалось, и правильно встать.

Припомнив подсказки бати, зашел за елочку — устроился удобней, поступил именно так, как надо. И теперь оставалась ему одна забота: жди, когда быстрые ноги вынесут из густых зарослей увертливо хитрого бегуна.

Мимо ружья тому нипочем не проскочить, пусть даже догадается повыше подпрыгнуть.

По-прежнему дул озорной сиверок, и время от времени сыпались рыхлые комья снега с недалеких деревьев. Вместе с падающими лепехами летели вниз отжившие свое иголки с веток.

Обширны кроны стройных краснокорых великанов, много старой хвои подле стволов. Устывает она дрём кругами. Что ни сосна — то и подушка, когда коричневатого, когда желтого окраса, у корней.

Поджидая добычу, смотрит Сёмка в гущу леса внимательно. Даже можно сказать, что в доскональности пристально.

Не может не заметить он расцветки снеговой подле стволов. Непростая — на погляд очень заманчивая — желтизна настойчиво лезет в глаза. Как будто волны сугробные кто-то назло малолетнему охотнику усеял разбитыми куринными яйцами.

Ах, до чего же аппетитно глядятся круги! Так бы и съел вкусный желтый снег!

Гремит Караюшко. Трубный голос подает исправно.

Пес гонит зайца по зарослям, а тому невозможно прыгать по тем же густым ивнякам. Маловато ему вольной воли, если каждый сучок норовит вцепиться в бок. Нет-нет да и выскочит бегун на открытое место.

Не в пример лучше, много свободней скакать по какой-нибудь замерзшей болотинке, поскольку там нет сучковатых препонов. Однако

по дряговинам бегать выйдет себе дороже. По ровному — чтоб напрочь без кустов — именно что по открытому месту собака несется вихрем.

Легко прибавляет прыти и вот-вот настигнет, схватит косога. Посему дозволительно тому нырнуть куда? В изморозно гибкие ивняки либо в тесные крушинники.

Оглянется он на близкого пса, сделает свечку, увернется от острых зубов и — шашь в сторону. Снова творит изворотливый бег в круговерти всяких кустовищей. При всем том не забывает петлять. Успешно вяжет кружева мелких следов.

Но Караюшко упрям, азартен. Не беда, что заяц себе на уме и до невозможности вилявый. Да пусть он прячет свой короткий хвост в изморозной густеге!

Собаке тоже умельства не занимать. Не очень-то надобно примечать это мелькающее в кустах пушистое пятно.

У ловкого бегуна хвост один, а лап сколько? Четыре, и все они оставляют следы с душком, на особицу вкусным. На то Карай и гончий пес, чтобы распознать по запаху, куда подался хвост даровитого хитреца.

С болотца — да в крушинники, оттуда в ельню гонит обученная собака ускользящую добычу, а дрём к торопко бегучей охоте прислушивается. Пошевеливает и там, и тут мохнатыми иссиня-зелеными ветками.

Столько соблазнов в безлюдной чаще, что голодный Карай нет-нет и приостановится. Поднимет морду, заскулит отчаянно. Ведь горло перехватывает, когда рыжий лисовин дорогу перебежит и нисколько при всем том не поспешит удрать — скорее лениво хвостом вильнет. Дескать, не догонишь, коль цель у тебя сегодня совсем иная. Так бы, кажется, и бросился вдогонку за нахалом!

Но разве толковый гончий пес допустит такое послабление, чтоб с одного следа перескочить на другой? Он для себя позором считает отвлекаться на каждую встречную мышку, белку либо остроухого лисовина. Настоящая охота свои законы имеет. И там прописано, что не полагается метаться по соснякам, облаивать подряд всю живность.

Запнется, значит, Караюшко, неприязненно вякнет на того, кто препятствует серьезному

собачьему делу. А в другую встречу не стерпит, даже острыми зубами клацнет: ужо станется тебе! Будет повторный случай, попадешься мне — шкуру как раз попорчу!

Разговору спорного нет: все равно помощнику Сёмкиному не отказничать, не отлынивать, но истинно что поспешать за беляком. Торопиться дальше, чтобы творить неотложную свою работу, и посемеру...

Веретьевский мальчишка! Тебе подкачать нельзя. Если сию минуту встал настороже, настабил в кусты берданку, то всенепременно полагається выцелить косоого и метко пальнуть.

Парнишка стоит, размышляет: «Теперь надобно выгнать зайца на стрелка. Не верится мне, что Карай умчится за каким-нибудь лисовином. Иначе ведь не охота получится — простое баловство. В таком разе куда он гонит косоого? Обязан заворачивать его правильно, в мою сторону. Вовсе не в сторону оврагов».

Лай не отдаляется, он приближается. Вроде отвернула погоня от лихих глубоких лошин. Трудная работа у пса приключилась. Однако исправно справляется он с ней. Похоже, Караюшко не забыл, как учили его в прежние годы помогать по-умному. Не хочет сегодня сколоться, а хочет, чтоб не ушел хитрый бегун от меткого добытчика.

Все-таки много соблазнов в дрёме, где по военной поре поуменьшилось число охотников, дотошливо умелых и завсегда смелых. Зверья всякого, напротив, развелось заметно больше прежнего. Неспроста собачий голос шибко изменчивый.

Изголодавшийся помощник то гавкнет не совсем по делу, то вякнет неприветливо, то заскулит жалобно. Небось, желательно ему бросить разбег, закусить на ходу легкодоступной мышкой. Только держится он. Может, из последних уже сил.

Как послушаешь дрём, так настойчивей подступает, сильней разбирает тревожное беспокойство. Сам, того и гляди, кинется парнишка в глубь великанского соснового строя.

Ноги у него прям-таки дрожали от причинного нетерпения. Ох, не замельтешил бы, не скололся бы охотничий многозвучный помощник! Не тот нынче случай, чтобы невозбранно, свободно взять и сбиться со следа.

Досадуя на свои ноги-торопыжки, присел Сёмка на корточки: никуда не побегу! Пусть утишатся только беспокойные коленки. Тогда опять приподнимусь. Встану, вскину ружье. И будет выстрел точно в цель. Потом... Будьте уверены, потом будет добыча приторочена к поясу. Точно таким образом, как поступают все уважающие себя охотники. С пустыми руками никто не собирается возвращаться домой.

— Ты знай гони беляка на меня, — шепчет Сёмка, потихоньку вырастая из сугроба, снова пристраивая ружье к плечу. — Подмоги, Караюшко, не забуду. Батя как награждал тебя за удачную охоту? Правило у него имелось. Такое, чтоб умной собаке отдавать заячьи лапы. На погрызку. Само собой, и я гончего пса не обижу. Все четыре получишь, мы с бабкой не пожадничаем. Нерушимое слово!

В сугробе

Заяц выскочил неожиданно. Вовсе не с той стороны, где высились сосны. Нелегкая вынесла его из крушинников, что притулились сбочь и были основательно припорошены последней метелью. Его появление почему стало внезапным? Карай, верней всего, искал обходную тропу в переплетении кустовищей, замешкался, примолк. До поры там стояла тишина, по-сонному смиренная.

Затем посыпался иней с веток, и ловкий хитрован упругим комком вымахнул на тонкую порошу перед Сёмкой. Второпях не заметил ружейного охотника, недвижно замершего и даже, позволительно сказать, очень удивленного. Пришлось затормозить, развернуться, вскачь улепетывать. Вслед за ним повернулась берданка, чтобы взять беляка на мушку. Не оплошал мальчишка, вовремя нажал на курок. Вороненый длинный ствол жажнул со всем возможным старанием.

Когда гулко бабахнуло, владелец ружья в своих невеликих валенках еле устоял — толкнуло в плечо от души! Так сразу и сел в близкий сугроб.

Ловкачу, сильно ушастому и глазастому, достало ума высоко подпрыгнуть, броситься поскорей назад. В спасительную густегу отчаянно сплетенных веток.

Какое понимание обрушилось на взволнованного парнишку? Не иное, а как раз горькое из всех горчайших: вот тебе и скорая промашка.

Можно до слез расстроиться здесь же, в холодном сугробе. Однако не успел, потому как из крушинника с лаем выскочил Караюшко. Завидев добычу, пес могучно взревел. Он так широко раскрыл зубастую пасть, что косою ополоумел.

Нет бы ему скакнуть влево или вправо, чтобы уйти от страшной собаки в отрыв. Но, перевернувшись через голову, он кинулся к Сёмке. Тот барахтался в снегу, пытаясь подняться. Вышло так, будто заяц искал у охотника защиты от зверя, громко ревушего и страшно клыкастого.

Как ни рассуждай, только ведь гончая собака, разбушевавшаяся по причине голода, хоть какого ушастого хитреца напугает до смерти. Мальчишке повезло ухватить за лапу гостя, нежданно сугробного, визжащего от безнадежности и тонко, и донельзя пронзительно.

— Белячок объявился ничуть не тяжелый. Совсем, гляжу, малолеток.

Удивлялся молодец веретьевский, сам нисколько не многовозрастный. И было ему время припоминать кое-какие слова ушедшего на фронт отца: «Косые раза четыре в год котятся. Заячиха с этим делом кончает уже где-то по осени. Поздний приплод не успевает обучиться всем уловкам, а здесь уже первая пороша. Охотники спешат в снежные поля и ложки. Молодняк не шибко сторожится, часто попадает на мушку. Вот старый заяц, тот всегда себе на уме. Собаку попытается обмануть далеком — в сторону — прыжком. И следы запутает, и засаду обойдет. Взять его непросто. Он сам тебе не дастся в руки».

Посмотрел Сёмка на помощника своего, испугался. Глаза у пса ровно бы остекленели. Из раскрытой пасти капала слюна. Таким распаленным никогда парнишка не видел Карая. Как бы не выхватил исправный помощник добычу и не сожрал на месте. Поди останови окриком огромную собаку, когда она голодна, будто матерый овражный волк.

— Я тебе лапки... лапки... потом, — бормотал он усталому, до чертиков изголодавшемуся другу.

С места пес не двинулся, однако не стерпел, поднял морду, завыл от огорчения. Надо пони-

мать, дошел до крайности в беготне. Обессилел и пустил мимо внимания, как мальчишка спрятал зайчонка. Понюхав прежние следы и не найдя новых, снова подал голос небу.

Пусть слов от Карая не дождешься, все равно распознал охотник его мысли. «Куда косою делся? — горевал отличившийся добытчик. — Только что здесь был. А теперь не видать. Дайте гончому псу поесть сейчас же. Иначе помрет он с голодухи».

Прихватив ружье, Сёмка поднялся. Хорошо, что телогречная подпояска у него оказалась крепкая. И кожаная, и усердно широкая. Не вывалится из-под нее дрёмный гостинец. Наверх из ватника тоже не было ходу: все пуговицы застегнуты до горла. Заяц потрепыхался немного и затих.

Есть догадка — ему полагалось убояться оглушительного лая. Однако не исключено, что понравилось греться под защитой ватника. На снегу, как ни суди, будет попрохладней.

Кто их, беляков осеннего помета, разберет? Одно верно: раньше кричал прыгун, визжал старательно, а теперь, очутившись у Сёмки за пазухой, решил вести себя смиренно.

Пускай в тепле посиживает, свою думку тихо думает. Охотнику некогда в досужих размышлениях тут задерживаться, вот и поспешит подале. Назад, в родное Веретье.

Маманя, поди, заждалась, сидючи возле окошка. Аграфена печной чугунок настроила у загнетки, тоже хочет поскорей с добытчиком свидеться.

Ничего, приключится на сегодняшний день ожидаемое. Домашним, которые сильно о супе мечтают, будет именно богатое угощение.

— Карай! — строго сказал Сёмка. — Поймал я косою. Хватит здесь разоряться. Желаете урвать слишком большой куш. Тебе всегда только лапки давали. Никто не отказывает, получишь свою долю. Идем домой, понял?

Пес, опустив буйную головушку, нехотя потрусил за парнишкой. Лыжи словно сами побежали. Легко взлетали на скользкие бугры. Послушно выбирались из овражков.

На радостях удачливый охотник дорогу выбрал кратчайшую, но была та не из удобных. Пришлось попотеть, вздымая снежную цели-

ну. Выскочил на поле, за ним уже виднелись знакомые избы, а также замшелые баньки, выстроившиеся на околице.

Как заметил Сёмка родной дом, так быстрее понеслись лыжи. Они пели: ширх-ширх! Снег в лад бодрой песне весело искрился. Солнце улыбалось, словно у него случился обеденный праздник.

Отглянулся добытчик, который на сию минуту не вот вам ноль без палочки, искал глазами помощника — мы знатно отличились, но ты, кажется, потерялся.

Пес тащился где-то в трех шагах.

Худые бока то раздувались, то опадали быстро-быстро. Заметив брошенный Сёмкин взгляд, досадливо заскулил: не видишь разве, как умалялся? чего мчишься, будто спешишь след в след за косым? мой знакомец исчез, других беляков нет впереди, поэтому поумерь прыть!

— Ничего не понимаешь! — крикнул ему справный охотник.

Таким счастливо звонким был голос парнишки, что Карай от неожиданности сел на задние лапы.

Двинулись они далее по искрящейся сметанной белизне веретьевского поля. А бор, оставшийся позади, под лучами солнца стал наливаться густой зеленой дрёмностью. Тем легче ему было наливаться, что сиверок охотно дул и с нескончаемым усердием обтряхивал кроны деревьев.

Спокойно стояли сосны, в одночасье ровной гребенкой глядевшие, большуще огромной, красависто изумрудной. Если всматриваться в эту неохватную ширь, то уже сама небесная синева начинала зазеленевшей казаться. Потом и сметанное поле, чудилось, потихоньку пошло вбирать в себя новую краску. Вот уже зеленые сугробные заструги волнами потянулись от лыж до самой до веретьевской окраины.

Как здесь умолчать парнишке?

— Конечно, Карай, тебе до зеленого снега нет никакого дела. Требуешь: зайца подавайте, целиком. Но ведь уговор был, который дороже денег. Придем домой, тогда получишь лапки. Жилье наше недалеко. Не видишь разве?

Он махнул рукой в сторону избяного притихшего ряда. Верный помощник сразу подал в

том направлении понимающее громогласье.

И приключилось неожиданное. То ли замах парнишки его потревожил, то ли оглушительный лай, но дрёмный гостинец взвозился в телогреечном тепле. Смирный прыгун решил очнуться. Он принялся бить туда и сюда пружинистыми лапами. За пазухой у мальчишки что-то сильно затрещало. Боли особой не ощущалось. Однако сразу объявилась вольная воля испугаться. Нет ведь препону для соображения: если беляк изловчится да развалит тебе живот?

Пес громкую звучность поутишил, и солнышко несколько не померкло. Но беспокойства все же прибавилось. Вдруг что Сёмкины тощие жилки почали рваться? Ужас до чего всем в деревне голодно. С холоду, с голодухи ты — пусть на сей день сплошной добычливый молодец — всё равно можешь смекнуть так, что заячьи когти в точности полосуют живот.

Они разрежут тебя до печенок, потом доказывают, что Карай был неосторожен. Не прав был, когда пожелал в одиночку слопать добычу, лаять стал. Ой, как неприятно под ватником трещит! Одежка ниже подпояски и поверху вроде не прохудилась. Отстегнув две черные пуговицы у горла, он опустил руку за пазуху.

Косой рванулся изо всех сил. Словно что его подкинуло — размахивая ушами, он вылетел наружу, бухнулся белой спиной о лыжи. Перевернулся, подпрыгнул сгоряча, приударил по веретьевскому полю, ровно твой снежный вихрь.

Вникнув — хоть и не сразу — в аховое свое положение, позволил спружинить длинным, завидно крепким задним ногам, чтобы помчаться в изумрудный сосняк. Гончому псу осталось лишь проводить его долгим грустным взглядом. Затем виновато вильнуть хвостом, подойдя к несчастному хозяину. Не могу, дескать, поспешать за беглецом! Притомился очень!

Минуты две стоял мальчишка истинно что столбом. Не верилось ему, что лишился бесценного дрёмного подарка. Лес дал, он и вскорости назад взял.

Бабка Аграфена! Не будет тебе чугунок с вкусной зайчатинной. Пошла прахом вся охота!

Сёмка покрутил головой, потер шерстяной варежкой нос, которому захотелось почесаться

в недоуменной обиде. Веретье рядом, вот оно. И здесь, вблизи домов, стой не стой — только нипочем не вернешь сбежавшую добычу.

Растегнул телогрейку до пупа. Страшное там приключилось с животом или какое другое? Рубаха была разорвана аккуратно. На вытянутые ровные полоски. Никаких шибко рваных лохмотьев не наблюдалось. Будто поработал тут не заполошный белячок, а полосато-швейных дел усердный мастер. Перед тем как застегнуть ватник на уцелевшие черные пуговицы, Сёмка заправил получше рубаху.

«Она, знать, и трещала, когда прыгун бил ногами. На животе нет царапин. Целым оказался. Это хорошо, но жаль — был пустым, останется сегодня пустым тоже». Оказия, как ни суди, неприятная до крайности. Ты о беде не помыслил, а вот сильно ушастый белячок, долго думавший тихую думку, не упустил случая, чтобы удрать из-за пазухи. Сообразил, будто он тут какой-то особо умный. Теперь ничего не поделаешь, ступай домой належке, охотник лопоухий.

Идет парнишка по молчаливой деревне. Не замечает ни близких захолodelых избушек с морозными узорами на стеклах, ни бань, что давно забыли про горячие каменки. Хочется ему заплакать, однако слез не льет, держится.

Мать, узнав о несуразности, приключившейся на обратном пути из дрёма, не стала корить Сёмку. Посмотрела на щеки охотника, заметно исхудавшего за последние дни, и сказала, будто погладила:

— Погулял, сынок, маленько, и ладно. Тебе не помешает. А то больно гляделся плохим. Надежды все равно было на удачу мало, так что не печалься.

Аграфена слова не вымолвила. В расстроенных чувствах залезла на печь и долго-долго не слезала оттуда. Страсти-то какие! Заяц почти что уже лежал в чугушке, варился безо всяких возражений. И нате вам — удрал! Нет, не судьба поесть вкусенького. Потому надобно горевать, собравшись в калачик на печи, и ругать свою судьбу.

— Ты погоди кряхтеть на кирпичах, — Сёмка решительно подал голос. — Я схожу в баню к Масловым. Помню, видел на полке веник березовый. Приготовленный тамошними ребятами еще с лета.

Принес он масловский запасец, мать сварила из него суп, благо никто до того не обтряхивал густегу березовых лепестов. Тогда Аграфена чуток повеселела, слезла с угретьх кирпичей.

Измельченные, крепко вываренные листочки она ела с видом успокоенным, однако же глубоко задумчивым.

— Бабузь! О чем размышляешь? — поинтересовался мальчишка.

— О зайчатине. О чем же еще? С ней, батюшка, похлебка завсегда приятственней.

В свою очередь принялся охотник думать. Мысли у него были не вот вам пустопорожние. Завтра надобно снова отправляться в лес и добывать беляка.

Коль есть в запасе еще два патрона, то и найдется им неуклонное охотничье применение.

Не заметил, как тарелка у него опустела. С дотошливыми соображениями о нынешних зайцах похlebка становится... бедным-набедно съедобной. И очень быстрее быстрого.

Чужая собака

Не иначе, дрёмный гостинец, сбежавший от веретьевского охотника, переполошил окрестных друзей-приятелей, всех косых родственников. Почему сразу не поведать о страшном гончем псе? Сёмка полагал, что смысла не было утаивать историю.

Если б сам очутился на месте беляка, то уж обязательно выложил: в лесу опять стреляют. Провизжал бы, пропищал или как там еще, но только честно донес правду. Так, мол, и так: надо всем отчаянно сторожиться, а то худо станет.

Не всегда молчанье — золото. Сегодня дружное заячье племя тебе скажет спасибо. И удерет от греха подальше. Прямо-таки от сосновых привольных прогалов именно в потаенные овраги. Либо на дальние дряговины, на замерзшие клюквенные болота, где издали можно заметить ружейных охотников.

Таким макарком поразмыслив, решил мальчишка перехитрить косых. И на диво прыгучих, и завидно быстрых.

Пусть неизвестно, как у них насчет разных доверительных разговоров, но полезно будет

направить поход в другую сторону. Вовсе не в прежний сосняк.

Вот идет — патроны при нем, берданка за спиной, заштопана телогрейка, чтоб никакой дыры не было в помине. Лыжи на валенках аккуратного охотника поскрипывают, продавливая свежую порошу.

Путь его лежит к масловской избе, мимо березы, облепленной ночным снегопадом. Мимо баньки, где удалось раздобыть веник, и далее — за околицу. Через какое-то время вышел к просеке, обозначавшей дорогу в неблизкое село. До соседей, почитай, километров десять верных.

Проселок перемертен во всю ширь и даль волнистыми сугробными валками. Не враз сообразишь, что под наносами схоронились тропки. Еще недавно тянулись здесь доподлинно грустные обитатели Веретья, решившие покинуть родные места.

Если же теперь глянешь попристальней, то невольно удивишься: сколько следов, обещающих поживу для шустрого добытчика, пришедшего на безотказных лыжах!

Белякам, хоть в соснах, хоть в крушинниках, простору много. Вот и позволили себе вконец осмелеть.

Зима этим годом непростая накатила, можно им в свое удовольствие колготиться на просеке, когда вся окрестность обезлюдела.

Выбегают они храбро не только на лобки и полянки, тоже и на те проселки, где раньше не имели свободы поноситься вволю и со всей лихостью попрыгать.

Радуются невиданному раздолью. Здесь, куда ранее заглядывать остерегались, ивняку на обочинах полным-полно. Знай отъедайся — дозволительно лакомиться нежными желтоватыми веточками и терпкой, однако же вкусной корой. До нее все они большие охотники!

Сёмке их беспечные завтраки, обеды на руку. Высмотрел куст, где посolidней натоптано, послал Карая гонять зайца:

— У тебя задача выбрать такого, чтоб потяжелше был. Покрупней. Понял?

Помчал пес вперед, держа в голове мальчишеские наставления — ату его, толстого беляка!

Ружейный охотник, если по всей форме, не вот вам сильно взрослый, однако вникает пра-

вильно. Жирует добыча на дороге прямо. Обнаглела до невозможности!

Прав Сёмка, когда идет на лыжах и досадует на косоного: «Всем война, ему, напротив, мать родна». Также и в том прав, что желательно спровадить добычу побыстрее в чугунок. Пусть Аграфена зазря на печь не поднимается и не ругает зловредную судьбу.

Караюшко знает неотложное дело. Настоятельно подал голос, пошел чесать по ивнякам. Да с обочины — на другую обочину. И прямоком — в опушенно выбеленную чашу.

Не успел парнишка оглянуться, как потерял стремительного помощника из виду. Унеслась азартная погоня с просеки. Скрылась за переплетениями ветвей, за черными осинниками.

Спрятал ее бескрайний лес, и голос пса, обнаружившего особо голодную ретивость, затих — натываясь на могучие стволы сосен, заплутал в глубине дрёма.

Вскоре уже и не слышно, как вдогон за добычей ревностно поспешает парнишкин посланец.

Ведомо Сёмке лишь одно: объявилась рядышком стайка пичуг. Клесты принялись возле него перепархивать.

Вспомнив отцовы подсказки, согласно покивал птицам — верно всё, время сейчас подходящее, чтоб заняться гнездованьем.

Случаются в дрёме присущие удивительности. И батя о некоторых рассказывал. К примеру, зимой хлопчут клесты-сосновики усердно. А почему? По той причине, что потомством надобно обзаводиться. Ему не страшны хоть морозы, хоть февральские выюги.

— Давайте, старайтесь, коль здесь родительские заботы. Однако нельзя мне уйти с места. Стану берданку нацеливать. Не иначе Карай выгонит зайца на меня. Так что извините!

Тем часом... совсем не слышать справную погоню. Ну, словно унесло ее с ветром в незнакомые дали.

Что же это делается там, за дрёмным толпотвореньем! Чешет молодой охотник потылицу, крутит бедовой головой.

Клесты на него уже — ноль внимания.

Некогда им разглядывать гостя, пусть он в охотничьей телогрейке и на широких лыжах. Когда у него своя пора, чтоб слушать шур-

шанье ветвей, скрип снега, то ладно. Дозволяется ему и постоять сбочь просеки, и послушать птичье порханье.

Пичуг понять как раз нетрудно. Им что главное? Чтоб сосновых шишек сегодня оказалось в достатке. Будут они выковыривать вкусные зернышки, то бишь пользительные семена.

Приглядывать за мальчишкой вовсе не их неперемное попечительство. Завсегда именно у стрекочущих сорок есть раденье — поднимать в лесу переполох. Если кто-нибудь опасный вдруг забредет в сосняк, тогда их шум сгодится, но сейчас иной разговор...

«Раз такие пироги, — вздыхая, поправляет шапку Сёмка, — не стану заглядываться на клестов. Пускай себе мирно порхают, шишками кормятся. Птенцов убаждают».

Пока что ему время готовиться к выстрелу. Он снял с руки варежку, переломил берданку на коленке, загнал патрон в ствол, под боёк стального курка.

Должны сослужить свою службу дробненькие гвоздики. Как раз по всей стрелковой надобности. Уж что есть, то есть: не зазя они посиживают под кожаным пыжом заместо увесистого свинца. Полагается им так отметитья, чтоб в обязательности свалить нахального грызуна, попортившего немало кустов на просеке.

Ох, не промазать бы только! Ведь не посмотрит объедала на то, что все в деревне на тутошний день живут впольсыта, даже хуже. Удерет косою. И поминай как звали.

Начинает нелишняя думка подступать, размышляет мальчишка обстоятельно, ничуть не путано: «Зайцу, когда второпях выскочит на открытое место, пожелается не маячить. Перескочит проселок махом единым. Не где-нибудь, а тут, перед густым ивняком. Значит, не стоит мне крутиться абы как с ружьем. Нужно стоять крепко, нацеленно. Тогда верно случится, что не промахнусь».

Поднял тяжелый дробовик. Ждет-пождет беляка, только где Карай? Не слышать его и поблизости, и вдали. Руки парнишки, ослабшего с голодухи, потихоньку опустились, ствол упулился в сугробную вершину холмика. Несомнительно для стрелка — добыча нужна еще как. Поэтому снова он, поднакопив сил,

укрепился на лыжах, вздернул ружье вверх.

Вот приладился, а время идет, и зайца нет как нет. Перевел дыхание, посмотрел Сёмка на чистое небо. Подивился — до чего прозрачное стало оно ближе к полудню. Размахнулось во всю ширь! Окрасилось в цвет истинно голубой.

Непонятно по какой февральской причине, однако достоверно, что очень много вверху обнаружилось прозрачной голубизны. Поток льет она вниз. Хоть на волнистую просеку с ее длинными валками, хоть прямоком в Сёмкино лицо. Голубой снег в охотку припустил, чтобы под солнцем нежно искриться. Пряма-таки ластится он к опущенным, изморозно белым ивнякам, к завьюженному сосняку и кудряво изумрудным елочкам.

— Фу! — выдохнул юный веретьевский охотник, опустив берданку. — Устал, никакой мочи нет. Тут еще это, гляди! Всё вокруг сверкает. Глазам лишь давай жмурься.

В случае чего поди уразумей, как стрелять. Плохо видно, если отчаянно бьют в зрачки неуступчивые искры.

К счастью, для Сёмки не секрет: снег иногда слепит. Батя как учил ране? В зимнюю пору приключится такое, рассияется наше светило, почнет всячески слезы выжимать — не тушуйся! Терпеть огненную резь ни к чему, просто варежками прикрой лицо, пускай глаза отдохнут. Потихоньку всё пройдет.

Парнишка не растерялся, отвернулся, проморгался. И вновь приложился к желанному дробовику. А ну, выскакивай, который здесь ушастый косою толстый грызун! Попировал! Хватит по ракитникам носиться!

Самый тот час, когда пора тому выбежать из кустов, на мушке очутиться. Он и выскочил, не шибко промедлив. Следом за ним ходко вынеслась из дрёма собака. Чужая, не веретьевская она была. Не сказать, что очень крупная — поменьше гляделась, нежели верный Караюшко. И масть оказалась у гончей непонятная. Пестрая, будто лоскутное одеяло бабки Аграфены.

Упористому добытчику недосуг разглядывать гостью. Выцелил по скорейшей потребности косою. Захолоделым пальцем — но, как учил батя, остороженько! — нажал на курок.

Ахнуло ружье, согласно выплеснуло огонь,

дым, дробненькие гвоздики. Приклад не задержался, шибанул Сёмку в косточку плеча. По причине отдачи. Так сноровисто ударил, что в глазах того на секунду потемнело. Ствол, конечно, подбросило усиленно вверх, и соседние ивняки, чьи ветки выстаивали не первый день в инее, осыпались без лишних разговоров.

Что сотворила пестрая собака? Со всеми своими одеяльными лоскутками на короткошерстных боках в одно мгновение отпрыгнула вправо. Заяц, взболтнув мягкими длиннющими ушами, влево сиганул. После чего он замер на голубоватом снегу безучастным комком. Подстрелил-таки добычу мальчишка, не промахнулся.

Не теряя времени, схватил он бездвижную белую тушку, прижал к себе.

Гончая увидела, что стрелок из каких-то посторонних. Он пришелся ей не по нраву, с многообещающей угрозой принялась фырчать.

Не мигая, не отступая далеко в сторону, супротивно оскалилась.

— Иди отсюда! — крикнул ей Сёмка. — Сейчас прибежит Карай. Тебе загрибок намнет. Чтоб не ворчала.

Ишь, какие недобрые клыки она кажет!

Повадка у большущих собачьих зубов известная, им желательно вцепиться и кусать. Однако не след тут обнаруживать недовольное рычанье. Что в деревне завсегда говорят? На чужой каравай рот не разевай!

Из густеги потревоженных кустов торопился обсыпанный снегом дед. Белчий треух у него съехал куда-то на затылок. Маленькие глаза-льдинки сердито сверлили незнакомого парнишку. Он поправил шапку, надвинув ее на брови. Закинул свое ружье за спину и сказал хрипло:

— Ну вот! Кончена охота!

— Ага! — не промедлил ответить Сёмка. — Смог я попасть.

Произнес довольные, даже по-мальчишески веселые слова. И поехала у него счастливая улыбка от уха до уха. Взрослому добытчику, по мысли веретьевского охотника, полагалось догадаться: всё хорошо! с мясом теперь бедующие деревенские прожители!

Тот же нисколько не поспешил обрадоваться удачному попаданию стрелка-малолетки.

Снова за треух схватился досадливо, дернул

его. Да так усердно к нему прикоснулся, что белкин рыжевато-серый мех вздыбился над кустистыми бровями.

Подозвав пеструю собаку, бросил ей что-то на погрызку.

— Ты у меня безродная, однако толково по дрёму гнала. Не твоя беда, когда чужой кое-кто постарался. Когда взял и скрал зайца.

Речь оказалась несправедливой, хозяин Карай порешил обидеться. Юный добытчик крепче прижал к себе тяжеленькую тушку и со всей возможной солидностью заявил деду:

— Никто не крал! Косой бежал, я стрелил. Уложил его честно.

Владелец безродной гончей резко обернулся. Треух сдвинулся на затылок.

— Да? Пусть и стрелил, но с под моей собаки. За это полагается подать платить. Соответствующую... для охотничьего порядку.

Сёмка недоуменно заморгал. Это по досадно горькому случаю означало: дедушко! в чем я провинился? о какой подати речь?

Слыхом не слыхивал парнишка о странных расчетах в дрёме. Никогда батя не подсказывал: «Имеются, прими во внимание, платежные правила среди охотников, на все сто метких и добычливо настоящих».

Намекательное требование хозяина пестрой гончей не понравилось человеку, которому вынь да положь подкормить мать и бабу Аграфену. Он мигом надул губы: дескать, хватит здесь рассказывать сказки! кое-кто просто хочет заполучить обманом зайца!

Дед тушку не отбирал у стрелка-мальца, но и прочь не уходил. Знай поглядывал на свою собаку, виновато вилявшую хвостом. Чесал редкую бородку. Одним словом, вел он себя настолько неуспокоенно, что треух катался по лысой голове, будто санки по крутой горке.

Из чащи выскочил упаренный помощник веретьевского добытчика. Замер, приметив неизвестного в беличьей шапке. Сёмка немедленно позвал:

— Карай, ко мне!

Пес не кинулся в растревоженное послушанье. Встал рядом с мальчишкой и рычать на гостей не поспешил, зато храбро уставил на них настороженные глаза.

Дед, конечно, уразумел Сёмкины обиженные думки, пожевал губами. Вздохнул, выкаывая ничуть не спящую совесть:

— Насупился зря. Если кто добудет косога с под чужой гончей, то делиться надобно. Всех правил не ведаешь, и подскажу не по злу, а по чистой правде. Вот моя собака подвела к тебе косога. Она ведь хорошо поработала. Вся измочаленная. Глянь-ка. Дни голодные, пожалуй ее неплохо бы. Коль ведает она закон, то пусть погрызет заячьи лапки. Имеет право на добычу, а ты имеешь право получить от меня патрон, честь по чести снаряженный. Истратил заряд — получи замену. Мы, охотники, крепко уважаем своих собак. Разве ты, хоть и малец покамест, не пожелаешь уважить справную гончую? Наше занятие не баловство. Так что приму беляка, двинусь восвояси. Когда в годах, тяжело бродить по лесу. Подрастешь, станешь по всем правилам честным добытчиком. Или как? Побаловал тут, побежал домой безо всякой чести?

— Я не баловник, — нахмурился невеликий веретьевский беседчик.

— Смотри. А то можешь забирать косога. Ох, времена теперешние...

По второму кругу

В кармане ватника полеживал у Сёмки тяжеленький, словно чугунная гирька, патрон — последний из трех недавно снаряженных. Жалко расставаться с ним.

Надоба к тому же присутствует. Такая, чтобы смекнуть: пусть он пока там пребывает, где спокойно полеживает и есть не просит.

Коль без промашки из берданки пальнешь — завсегда мясом разживешься. Маманино здоровье поправишь. Заодно излечится Аграфена от грустного печного лежания и задумчивости, насквозь отчаянной.

На пороховой заряд и дробненькие гвоздики свой расчет у мальчишки. Отдать единственный патрон — опять охотиться лишь за банными вениками.

Можно с иной стороны здесь глянуть. За тушку по-быстрому ухватишься, и что? Как раз прослынешь среди охотников, которые ходят в

настоящих, истинно баловником и пустобрёхом. Лучше уж чтить неписанные дрёмные законы, так оно получается.

«Долгов в ракичниках наделал? Плати после всего подати! Уж будь любезен, коль ходишь в добытчиках, неотложно серьезных».

Убрав с лица ненужную хмурость, соображающий малец бросил на снег зайца, твердо заявил:

— Плачу, дедушко. У меня должок не зарастет мхом. Это я тебе говорю, Семен Столбов. Охотник из деревни Веретье.

Кое-кто из мужиков, ушедших на войну, любил выражаться, чтоб звучало в беседе уверенное: «Это я тебе говорю!» Разве трудно Сёмке взять и запомнить реченье? К случаю высказался по-взрослому. Потому как хотелось по-основательней выглядеть перед стариком и его работающей гончей.

Сказанное, видать, пришлось к месту. Особых споров не последовало. Владелец пестрой собаки поправил шапку, съехавшую на левое ухо, степенно огладил бороду.

— Значит, будем знакомы, Семен Столбов. Я вот промысловик также. Кличут меня Корнем Проталовым. А проживаю подале отсюда, в деревне Каменка. Что, маловато в твоём Веретье людей-то?

Явно из тех стариков он был, которые в любой час не против побеседовать с понимающим человеком. Они всё больше дома обретаются да помалкивают, поскольку за прожитые годы хватило им бесед с домашними. Зато нисколько не устают вести речи с гостем, зашедшим на огонек.

У Масловых имелся свой должжитель, у иных прочих в деревне тоже бывало кого повстречаешь. Веретьевским мудрецам вот так любопытствовать — с пользой новый день прожить. Невредно, даже лестно. Уж что-что, а разговоры разговаривать с понимающим человеком им было очень приятно.

С какой стати Сёмке глядеться букой? Почему не оказать честь усталому дедку-промысловнику?

С готовностью длит серьезную беседливость, подробный держит ответ:

— Пусто стало, как раньше никогда не приключалось. А по какой причине? Многие пода-

лись в дальнее село. Некоторые насовсем в гор-род переселились. Трое нас тут осталось.

Проявить пожелал приветливость, то бишь самолично преподнести хозяину пестрой соба-ки подстреленного зайца.

За спину ружье закинул, нагнулся за тушкой. Добыча оказалась не вот вам достоверной до-бычей.

Косой дернулся, лапами болтанул, вскочил в испуге. Медлить перед парнишкой, клыкасты-ми собаками и бороатым стариком не стал. Порскнул в жутко загущенное ближайшее кусто-вище. Там пропал вмиг — только его и видели!

— Карай! — Сёмка в свою очередь замахал ру-ками, подпрыгнул. — Держи его!

Тому послушаться в обязательную радость. Как бы там ранее ни случилось, а получить в награду заячьи лапки и почетно, и вкусно до полного собачьего довольства. Ответил соглас-ным лаем, помчал вдогон за беглецом. Также и безродная дедова гончая — следом унеслась.

Старому лесовику-добытчику не в диковин-ку было, что заяц решился порвать по второму кругу. Видал Корней всякие виды, порой сов-сем уж непривычные для дрёма: их ему дело промысловое показывало. Иной раз и не захо-чешь, ан чудес насмотришься среди сосен и елей под завязку. Так, что не соскучишься, по-хаживая по скромно тихим опушкам, по сум-рачно крутобоким оврагам.

У каждого зверя, к примеру, есть своя повад-ка. У любого охотничьего ружья опять же име-ется норов. Чтоб в цель безотказно попасть, а когда и — в белый свет как в копеечку. Бывают до невозможности удивительные приключе-ния, нечего тут скрывать.

Верным станет также другое: сам охотник, коли гордости не лишен начисто, должен быть норовистым. Упрямо дотошливым в масте-рстве и, как в обычности говорят, себе на уме. Поскольку без мозгов какая ж будет у него до-бычливость?

Об таковскую пору плодятся в дрёме чудеса да чудесинки ровно зайцы — в несчетном, ста-ло быть, количестве. Разве от самого Корнея не уходили косые по второму кругу? Всяко ведь происходило, однако никогда он домой не поспешал. Напротив — дожимал добычу, чтоб

со своей неглупой, хоть и безродной, гончей взять верх над увертливым косым.

Проталов бороду задумчиво поскреб, поин-тересовался у парнишки:

— Дробь, что ли, у тебя мелкая? Похоже, по-пасть ты попал, утихомирил беляка. И всё ж та-ки последнюю точку не поставил. Всего лишь уложил его отдыхать.

— Зачем? Почему отдыхать?

— На время остановил выстрелом. Он у тебя полежал безо всяких чувств. Потом очнулся и дал деру. Давай покажь патрон!

У Сёмки глаза почти что на мокро-м месте. История объявилась неизъяснимая, неждан-ная. И потому свалилось на веретьевского до-бытчика чувство прежде неведомое, оглуши-тельное, по-бедовому аховое. Истинно обру-шилась на парнишку незадача. Проказливо охотничье событие! Хитрая ловкость косо-го в наглядности велика! Оказия случилась, может, не вовсе глупая, но виднелась в ней заячья ус-мешка. Оттого обида, горькая, что польнь, прошила стрелка аж до самых до печенок.

— Смотрите свой, — закричал малолетний охотник. — У меня один в кармане. Он с поро-хом, а если другие какие, то их на погляд нет. Вы расковыряете заряд, и что мне тогда? Как иди завтра в лес?

— Потребно выяснить, откуда что взялось, в чем тут загвоздка. Лучше мне глянуть, сам знаешь.

— Загвоздки нет. Есть гвозди!

Дед, ни слова поперечного не говоря, раско-вырял плотно забитый пыж. У старого про-мысловика поднялись кустистые брови, глаза стали круглые, как у филина.

— Что это?

Сёмка, смущаясь, ответил:

— Объясняю же. Гвоздики. Дробненькие. Ну... рубленые. Вместо дробы приспособил их.

Чудо с дрёмным хитрецом разъяснилось. Проталову многое в лесу было повидней, он и подсказал, как всё произошло. Маленькие рас-половиненные гвоздочки шкуру пробить не смогли — плашмя приложились. Однако лете-ли после выстрела густо, удар сильный полу-чился. Ловчачу пришлось полежать до той счастливой поры, пока не собрался с духом, не оклемался и не удрал благополучно.

Вернув парнишке патрон с кожаным пыжом, вновь поставленным в нужное место, Корней рассудительно поведал:

— Не стоит тебе ходить на косога. Если только на малую птицу какую. В карман имеешь право сунуть вещичку пороховую сызнава. Пусть лежит до лучших времен.

Мальчишке радоваться вроде бы не с руки. Всё же настроение у него двинулось к лучшему. Хорошо, когда насмешливые беляки здесь не наблюдаются. Нет в сосняке шибко разворотливых особливцев. Посему вали добычу, сразу хватай и держи покрепче. Коль она пронырлива, то и будь сноровистым тако же. Ничего, охоте не пришел конец. А что касаемо гвоздиков, они пока что свое последнее слово не сказали. Вот какая сделалась правда!

Дедок-промысловик дал Сёмке патрон с дробью насквозь свинцовой, и сотворился у них уговор. Тот получит косога, кто свалит его прочно, по-настоящему.

Первый, значит, пойдет туда, где поодаль от просеки стояли черные сиротинки-осинки. Второй останется возле большущего кустовища, в узком ивняковом прогале, откуда беглец споро дунул по второму кругу.

Спорить с Проталовым веретьевский добытчик не порывался. У Корнея выбранное место очень уж незавидное, каждому ясно. Порешил подмогнуть тому, кто младше?

Пусть будет так, коль в незавидном положении все те, которые остались в голодном доме: «Всё же кое-что соображаю. На проселок выскочит хитрец обязательно. В осинник заглядывать — ему какая нужда? Там, в голом редколесье, не укроешься от громкой погони. Петлять бесполезно, потому как поведет гончую глаз. Далеко видно, и оттого собачьему глазу неперменное раздолье».

Гостинец проталовский и пригож по-новому, и до полной приятности свинцово тяжел, и надежен по всему дрёмному обычаю. Поскольку в близких лесных деревнях, кроме простых, всем известных берданок, не водилось ничего более солидного, свободно пристроил Сёмка патрон старого Корнея.

Нацелив ружье, стал поджидать верную добычу. Она медлила, не очень спешила попасть

на мушку. Имел парнишка возможность вспомнить Аграфену, даже немного поулыбаться: отказался бы стоять у просеки — снова поднялась на печку. Принялась бы, как у нее заведено, поминать свою несчастную долю. Лучше б она что другое вспомнила. Судьбу кляни хоть на все корки, ей до бабки нипочем не добраться на тот предмет, чтоб угостить похлебкой с зайчатинной. Когда Сёмка расстается, заявится с беляком, тогда и только тогда сварится духмяный суп с мясцом.

Боялся он промахнуться? Не без того, цена удачи больно велика. Только ведь и другое будет верно. Не справиться, стреляя по верной цели, — самого себя винить потом. Проталова не станешь укорять: он без шуток выделил тебе лучшее место.

«Не должен я промазать! Какой-никакой навык уже есть. А придут добрые времена, в ту пору навещу дедка в Каменке. Чайку с ним попьем. Поговорим... как в обычности любят старики. Скажу ему спасибо. Семен Столбов догадался: кое-кто ушел в редколесье неспроста. Туда косога, известно, калачом не заманишь. Опытному стрелку там стоять — быть совсем уж лишним для охоты».

Всё-таки нынче где промысловик? Видно его шапку среди осин? Ловко устроился, коль был треух на виду и вот на тебе — исчез. В сомненьях стоит, тревожно моргает мальчишка: куда подевался Проталов? Затем доходит до малолетнего охотника, что подался он туда, куда и беличья шапка. Как есть неизвестно, за каким деревом спрятался дедок. И тебе, Семен Столбов, зачем выискивать треух в дали редколесья.

Поджидать добычу — нужда неотложная, всё прочее — безделица. Неужто желаешь в неперменности залепить свинцовой дробью в белый свет, допустить глупую промашку?

Испуганно вспотевши, перевел взгляд в глубь просеки. Нет уж, делается охотничья забота правильным образом. Как тому быть полагается для благополучия домашних. Он стрельнет и... Промежду прочим ухватит судьбу Аграфены. Что называется, поймает за длинные заячьи уши. Очень крепко станет держать. Радуйся, бабка! Пляши сегодня с ухватом в обнимку. Пришел твой праздник.

Беляка из дрёма выгнал Карай, оставив где-то позади пеструю гончую. Всё бы хорошо, а незадача была. Как ей не приключиться, когда завернул он беглеца в черноту осинника?

Проталову ничего не оставалось делать — глянул сбочь дерева, приметил уходившую в прыжке добычу, вскинул дробовик, уложил косога наповал.

Виновато посмеиваясь, подошел к напарнику: — Получили мы с тобой награду. Нет резона забывать наш уговор, однако...

Сёмка тоже кое-что припомнил, глядя на подбегавшую пеструю гончую. Был разговор о том, кто уважает взрослые дрёмные правила. Что же теперь, отказываться от всего? Вот и прослынешь пустобрехом!

— Хочу стать настоящим охотником. Потому ничего забывать не желаю.

— Ладно, коли так. Оставляю тебе справный патрон, — на том и расстался Корней с уговорщиком.

Жилье встретило возвратившихся голубыми сугробами возле низких окошек. А также порошей на ступенях крылечка и тишиной захолodelьных сеней. Распахнув дверь, Сёмка поскорей закричал:

— Бабуся! Не бойся, что я без добычи! Не пустой пришел домой!

Та пожевала губами, присмотрелась к ружейному парнишке.

— Как не так? Совсе пустой!

Он прошествовал на середку избы, поставил на столешницу торчмя новый патрон. Немедленное последовало разъяснение: тут отличная свинцовая дробь. На все сто круглая, весомо тяжеленькая. Такая, что летит кучно, далеко и не имеет привычки давать спуску белякам.

— Поохотимся еще! Судьба у тебя, выходит, подходяще веселая. А ты жалишься, не любишь березовый суп. Мечтаешь об чем ином.

Аграфена приободрилась. Когда воспрянула немного духом, то через минуту позволила себе хихикнуть:

— Будто сам не мечтаешь.

— Твоя правда, — Сёмка поразмыслил над таковской мудростью и, с нелишними словами бабки согласившись, опустил на лавку подле окна. Дальше беседы беседовать ему уже не хотелось.

А та неуспокоенной оказалась — добавила в разговор толечку укоризны: веников ни капли в дому нет, с чего же теперь варить похлебку?

Если вознамерился мальчишка сказать старику правду... чтобы не думалось, будто Сёмка ничего не смыслил в охоте, то какое слово будет Аграфене? Что поведать старухе, коль о еде разговор?

Пользительно станет поддержать ее, надеясь уверенностью здешнего добытчика, не пустого, ничуть не бестолкового. Всенепременно возвыситься надобно, привстать с ласково ленивой, весьма усидчивой лавки и доложить свое решение. Вот он поднялся, укрепился на усталых ногах, высказался твердо, с неколебимо упрямой потребностью:

— Второй веник найду по возможности. Это я тебе говорю, бабуся. Найду, потому что не все банные полки обшарил у Масловых. Где-нибудь наверняка завалился для нашего дома гостинчик. Народ веретьевский разве не любил мыться?

Та всплеснула руками от души — высоко.

Ее удивление было и честным, и несколько не притихшим:

— Как же ему не умаслить душеньку о субботних днях?! Завсегда старательные творились у нас помывочные дела. Только где он, соседский, справа и слева, народ на сей час?

Опять обозначилось у бабки подробное, довольно-таки неприятное и, даже сказать можно, колючее наблюдение.

Он, подумав, расстроился. Весь потерявшись, опустился на лавку. Затем, поразмыслив крепче прежнего, сизнова приподнялся:

— Пускай ты права. Народа, чтоб во множестве, справа и слева нет. Однако бани стоят пока что. Буду ходить и ходить. Не уйдет ни одна от меня. Таковская, значит, имеется для тебя правда!

Ей отступить всё ж таки не желается. Никак тут ждут дорогую минутку опять угнездиться рядом с подоконником? Напрасные мечтания, сполна пустопорожние.

Пусть бы охотник не прохладился. До вечера сбегать неплохо в гости к веникам. Принесет добычу — потом вольному воля. Хоть на лавке посиживай, хоть у стола, где хватает места для новой березовой похлебки.

С подковырочкой подступает Аграфена:

— Собираешься ворон считать у окна?

— До упора охочих где приметили счетчиков? — навстречь хмурится парнишка. — Возьму веревку, батин нож. И все тут дела!

Мать не преминула вступить за сына, который притомился, видно, изрядно. Из своего тихого угла совет выдала:

— А чего б не подождать немного?

Сёмка спешно расправляет плечи.

Нисколько не задерживаются, идут обсуждательные речи, а только ему надобно выглядеть без дураков уверенным, небоязливым человеком. Старуха смотрится что-то слишком нервной. Того и гляди в сердцах полезет на печку да и застрянет там навсегда.

Стоит он перед ней, тянется вверх. Вот какой он молодец, охотник за банными вениками!

Кому-кому, однако ему достать угощение для домашних — раз плюнуть, так что пусть старуха верит Сёмке. Рано им всем на красные печные кирпичи укладываться и усыхать, будто они грибы-подберезовики или подосиновики.

Аграфена о чем порасспросить парнишку не против? О том, почему заместо зайца принес патрон из лесу.

Вот и почала невеликого охотника пытаться. Как там прыгучее зверье поживает, как перебивается в перелесках об зимнюю пору? Намекает ко всему прочему насчет гостей из дрёма.

Дескать, за ельниками не одни лишь соседочки стоят, поодаль водятся тако же поселения, которые не все безлюдные. Может, кое-кто мечтает навестить Веретье?

Себе на уме бабка, но и Сёмка не лыком шит. Цепляется она, вишь, на манер неотступного репья, что не ко времени.

Есть у него решение побережь покой в нервах старушки, и незачем тогда обсуждать все промысловые незадачи. Когда добыча на мушке, а потом вдруг улепетывает, то разочарований выше головы, и все они до чертиков обидные.

Бродит стрелок туда-сюда по избе, отговорочки разговаривает:

— В сосняках, бабуся, встречи случаются разные. Сегодня повидеешь Снегурочку. Завтра — лешего. Это запросто, сама сказывала.

Глядит на парнишку Аграфена, и желатель-

но ей приструнить хитромудрого беседчика. Если б она взялась развлекать малолетних сказками — еще куда ни шло. Но уж коли блазнится охотнику толковать о Снегурочке, о бедовом каком лешем, пусть выметается поскорей из дому. Нечего кормить ее всякими небывальщинами! Она сама знает в них толк. Когда ведает что по чем, то самая здесь та минута, чтобы Сёмке отправляться в поход за пропитанием.

— Иди к соседям, досужий сказочник.

Он и рад, что Аграфена выговоры выговаривает, отвязывается усердно.

Мысль у него простая: призадумайся поди с нынешним голодным народом. Правду молвить той же бабке для веретьевского добытчика тяжело, нет упористого желанья. А зубы ей заговаривать и того тяжелее.

Пошагал Сёмка на банный промысел, как было велено старушкой, что себе на уме. И там, и сям видит высокие завалы. С начала февральских вьюг выросли они вдоль по деревне.

Чуть от дома отойдешь — ни тропки, ни следа, только поземка норовит гулять по синей снежной целине.

Сугробы налились колючим холодом, истинно что студеной синевой. Лазать по ним не чаи распивать с кусочком сахару. Не зевай, жди — потеряешь один или другой черный валенок. Прыгай после всего голоногим недотепой по завьюженным огородам.

Каждый из норовистых валиков-волн рад случаю пощипать босые пятки путешественника. Бр-р, до чего холоден предвечерний синий снег!

Ввалился мальчишка в предбанник, беспрекословно выстуженный прошлыми пургами, осмотрелся. Еды здесь не было. Нет как нет — хоть из березовых веток, хоть из можжевельных — веника, ни единого!

Делать нечего, он двинулся по синей целине дальше, навещал и масловскую баню, и другие, которые по соседству располагались. Удача к нему не спешила, не летела скорым соколом. Так и ходил, придерживая низкие черные валенки руками, чтоб невзначай не затерялись в метельных волнах.

Через февральские завалы перебираться —

маета одна. Устал Сёмка, через полтора часа упарился, ровно и впрямь побывал в парилке. Всё ж таки своего отчаянного намерения не утерять, домогался веников по всему порядку веретьевских, что за огородами, бань.

Ввечеру, уже потерявши все надежды на березово-чудесные палочки-выручалочки, набрел на отдаленный банный полоч.

В уголке нашел ничуть не тощий веник, никем до сей поры не востребованный. С ним и возвратился.

— Бабуся! Мое слово, глянь, верное. Есть для тебя вкусная добыча. Хоть водили меня тамошние домовые долго. И уж так ретиво!

— Не было разговора, что по душе твой листовяной суп. И про домовых лучше не надо. Сейчас давай зеленую сухмень в чугунок ронять. Мать-то ведь давно кипятку наварила.

Незловиво старуха ворчала, и Сёмка не вступал в споры с ней.

Если не пустился в беседу про поход по синим снегам, то причину зачем изъяснять? Все бани обошел, одну за другой обшарил заолоделые полки. Денька два будет домашним супец. Потом... выручай, ружье! Спасайте, патроны! Иной подмоги откуда ждать?

Совсем стемнело, когда поужинали и всем семейством, не шибко насытившимся, наладились отдыхать.

Упорно Сёмка помалкивал, не желая расстраивать бабу и мать. Имея точное суждение: раз он добытчик, по-разному должен заботиться о семье. Именно что всяко.

Вот ведь невеликим охотником был мальчишка. Однако уже всякое ведал. Шла война... надо было многое понимать.

□

Борис Федорович КОЛЕСОВ

родился в 1943 году в Москве.

Работал в сфере периодики — в различных всесоюзных и общероссийских газетах и журналах.

Пишет прозу.

Автор книг: «Дашино лето» (1976), «Кто рассеянный?» (1977),

«Солдат и Ванюша» (1984), «По лунной дорожке» (1988),

которые выходили в издательствах «Малыш»,

«Детская литература», «Красноярское книжное издательство».

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

